

Алпатов М. В доме на Волхонке // Советская культура. 27 января 1978

В ДОМЕ НА ВОЛХОНКЕ

Михаил АЛПАТОВ,

действительный член Академии художеств СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР

Сколько же лет я знаю Ирину Александровну Антонову? Пожалуй, с 1941 года, еще со студенческой скамьи! Ирина Александровна Антонова — моя ученица. Из моего любимого университетского военного выпуска 1945 года, столь памятного нашему народу! Никогда не забыть, как занимались в холодных нетопленных залах на Моховой, сидели в пальто, шапках, а говорили об искусстве высокого Возрождения в Италии. Часто студенты приходили ко мне домой, собирались вокруг печурки, и здесь, у этого огонька, читались, наверное, самые памятные мне лекции. Сказать, что Ирина Антонова училась просто хорошо, — этого мало! Она занималась превосходно.

А еще ее отличали удивительная энергия, целеустремленность, общественный темперамент, интерес ко всему, что окружало нас. Насколько я помню, Ирина Антонова активно участвовала во всякого рода общественной деятельности. Всегда вокруг нее были люди, творилось хорошее, нужное дело... Удивительной энергии человек! И осталась она такой по сей день. Все, что сделано в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина во время ее директорства, с 1961 года, во многом сделано ее подвижничеством, несомненным организаторским дарованием, умением привлекать людей и направлять их.

После окончания Московского университета, после аспирантуры под руководством такого крупного ученого, как Борис Робертович Виппер, она становится сотрудником музея. Успешно занимается искусством эпохи Возрождения, искусством Италии XVI—XVIII веков, творчеством великих мастеров этого времени. Публикует ряд работ. Становится и талантливим педагогом. Читает лекции по искусству и музеологии во ВГИКе, текстильном институте, в МГУ. Большую роль в ее профессиональном росте, в ее формировании как специалиста- музеолога принадлежит Андрею Александровичу Губеру, на протяжении многих лет бывшему главным хранителем музея.

Проявляет она незаурядные организаторские способности, особенно при устройстве выставок. Поэтому было как-то естественно, когда ее кандидатуру выдвинули на пост директора одного из крупнейших музеев — крупного художественного центра страны. Тогда в полной мере развернулась ее деятельность руководителя, воспитателя, организатора, обладающего острым чувством современности.

Это было тем более необходимо, ибо последние десятилетия поставили перед художественными музеями совершенно особые и сложные задачи. Несоизмеримо усилилась «подвижность», если можно так сказать, художественных сокровищ. Кто бы мог поверить каких-нибудь пятнадцать лет назад, что Москва увидит Джоконду, шедевры Музея Метрополитен из США или реликвии гробницы Тутанхамона?! Более того, теперь музеи стали обрастать различными лекториями, детскими и взрослыми студиями, курсами, неизмеримо возросло число научных конференций, симпозиумов, заседаний, даже концерты ныне стали почти обычным явлением в музейных залах. Откликаясь на требования современности, художественные музеи становятся сложными и многоплановыми культурными центрами. В полной мере оценила и поняла это знамение времени Ирина Александровна Антонова.

Моя жизнь, как и большинства московских искусствоведов, всегда была тесно связана с «цветаевским домом» — с Музеем изобразительных искусств. Мне он чрезвычайно дорог. В его стенах я начинал свой трудовой путь, последние десятилетия я состою членом его ученого совета. Помню, как в середине 20-х годов музей слепков пережил глубокую метаморфозу: здесь открылись первые залы Картинной галереи. Усилиями тогдашнего директора Николая Ильича Романова формировалась коллекция живописи. Помню тяжелые годы войны, когда выбитые бомбардировкой стеклянные плафоны были закрыты фанерой, а коллекции находились в далекой эвакуации. И помню большой праздник, когда в восстановленных залах мы снова встретились со старыми знакомыми — великими произведениями искусства. Для нас, ученых старшего поколения, вновь началась интенсивная пора работы: для младшего же поколения — пора первых встреч и удивительных открытий.

В середине пятидесятых годов наступил новый период в жизни музея. Начали бурно развиваться культурные связи со многими странами мира. Музей, сохранив всю свою специфику, сумел стать одним из крупнейших выставочных центров, приобрел всемирную известность. Начиная с достопамятной выставки спасенных картин Дрезденской галереи, у музейных решеток стало обычным видеть длинную очередь посетителей. Теперь Москва увидела шедевры из Парижа и Нью-Йорка, Праги и Бухареста, Лондона и Каира, Токио и Женевы, Рима и Мехико... Громадная ответственность за сохранность выставляемых сокровищ, гигантский поток посетителей, жаждущих их увидеть, придали работе коллектива музея, его руководителя характер предельной собранности, оперативности и, конечно, огромного напряжения.

На этом «международном» фоне тем значительнее стали выглядеть выставки из фондов самого музея, каждая из которых потребовала для своей подготовки и осуществления не одного года упорнейшего труда. Пафос организации выставок и показа музейных фондов, конечно, понятен всем. Особый интерес представляют выставки гравюры и рисунка, которые демонстрируются как в основном здании музея, так и в уютных залах Дома графики. Наследник богатого румянцевского собрания, музей собирал графические произведения советских мастеров, поэтому и стал обладателем самой большой коллекции в Москве. Как памятна великолепная выставка Фаворского! А выставки рисунков и гравюр Митрохина, Пискарёва, Павлинова, Лебедева, Тырсы, Гончарова, Пикова, Кравченко и других мастеров!

Однако это только одна, правда, наиболее очевидная и заметная для всех сторона деятельности коллектива, возглавляемого Ириной Александровной Антоновой. Может быть, не менее важным оказывается то, что происходит в кабинетах и хранилищах, то, что создает основу существования музея, его, экспозиции и выставок, — это научно-исследовательская, хранительская и реставрационная работа, это подготовка прежде всего научных каталогов наиболее ценных разделов музейных коллекций.

Большие усилия Ирина Александровна затрачивает на координацию сил музея с другими научными учреждениями — с Московским университетом и музеями Кремля, с Третьяковской галереей, Эрмитажем и Русским музеем, с Академией художеств СССР, с Институтом истории искусств и Институтом археологии Академии наук СССР. Плодотворные связи способствуют подготовке выставок, проведению археологических раскопок, формированию научных конференций и сборников, работе над каталогами и монографиями. Без этого немислима научная жизнь музея.

Кстати, о научных конференциях. Кроме обычных, отчетных, в музее ежегодно проводятся «випперовские» научные чтения, которые

прочно вошли в научную жизнь столицы. К участию в них привлекается самый широкий круг советских и зарубежных ученых. Стремление расширить охват исторического и художественного явления, привлечь к его анализу литературоведов, историков культуры, философов и музыковедов — такова их характерная особенность, отражающая современный этап в изучении искусства как части общей духовной и культурной жизни той или иной эпохи. Стремление расширить содержание формы музейной деятельности, превратить музей в многогранный центр художественной и научной жизни — вот то, что стремится сделать Ирина Александровна. Много времени и сил она отдает международной музейной работе. Дважды избиралась она вице-президентом Международного совета музеев (ИКОМа); несколько лет возглавляла Международный комитет по воспитательной работе, деятельности которого сумела придать новое направление и широкий размах; ныне Антонова руководит Советским комитетом Международного совета музеев. Мне не раз приходилось с радостью слышать отзывы моих зарубежных коллег, находившихся под обаянием ее целеустремленности, принципиальности и энергии. Особенно на прошедшей в прошлом году в Советском Союзе XI Генеральной конференции ИКОМа, привлечшей рекордное число музейных работников со всего мира. В ее успехе большая доля личного вклада Ирины Александровны. Вот один из многочисленных отзывов участников конференции: «Оглядываясь на конференцию. Международного совета музеев, прошедшую в Ленинграде и Москве, — пишет доктор С. Хорнунг из художественного музея в Кливленде (США), — я потрясен прекрасной организацией и вниманием к мелочам, которые стали возможны благодаря вашему руководству. Было очевидно по всему, что ваша великая страна и вы, председатель конференции, сделали все возможное для ее успешного проведения, для развития культурного обмена, конечной целью которого является международное взаимопонимание и дружба».

Прошлой зимой по инициативе Ирины Александровны в музее был организован «круглый стол», который собрал многих видных ученых. Его тема—«Музей в двухтысячном году». Каким должен стать художественный музей в ближайшие десятилетия? Это был интереснейший симпозиум. Хотелось бы сказать, что когда происходит подобная конференция, когда открываются выставки вроде «Европейского портрета» или «Византийского искусства», когда за несколько часов раскупаются абонементы на циклы лекций в музейной лекторий, когда порой в Итальянском дворике звучит музыка Вивальди, Баха и Шостаковича или играет Святослав Рихтер, то будущее музея рисуется в заманчивом свете... И мы обязаны этим Ирине Александровне Антоновой, замечательному представителю советской музеологии.